

Время, 1862, №10

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

А мы вотъ какими товарами торгуемъ!
Купеческое присловье.

III

Мы хотѣли разобрать наличные капиталы нашей сценической драматургіи, покончивши дѣло съ драматургіею литературною тѣмъ что весь образованный и мыслящій людъ признаетъ за русскую драматургію - и что явнымъ образомъ мало признается или даже вовсе не признается за таковую спеціальными блюстителями театра и театральными комитетами, позволяющими себѣ отвергать пьесы

Островскаго и восторгающимися издѣліями гг. Дьяченко и Боборыкина.

Чтоже въ самомъ дѣлѣ даютъ на такъ-называемомъ «русскомъ театрѣ». Понастоящему слѣдовало бы прослѣдить цѣлый, хоть на примѣръ прошлогодній сезонъ т. е. время отъ сентября 1861 г. по іюнь 1862 года, и статистическими данными доказать всю безсмысленность и безосновность нашего сезоннаго репертуара, но въ настоящее время, только-что принявшись слѣдить за русской сценой, мы должны сократить по возможности всякія вступленія, и такъ или иначе, *partir du point o nous sommes*, взять дѣло до его настоящей минуты.

Тѣмъ болѣе, что насчетъ безсмысленности репертуара прошлаго сезона, можно намъ повѣрить и на-слово. Безсмысленность - такой обычный фактъ въ нашей обычной общественной жизни - что доказывать статистическими фактами нужно развѣ только ея рѣдкія *lucida intervalla* здраваго смысла. Съ другой стороны, статистическіе факты за одинъ

предшествовавшій мѣсяцъ достаточно могутъ удостовѣрить cadaго, кто только усумнится (а кромѣ членовъ разныхъ спеціальныхъ комитетовъ, право едвали кто усумнится) въ томъ, что слова безсмысленность и безосновность по отношенію къ репертуару русской сцены, употреблены нами вовсе не для «красоты слога».

Еслиже, противъ всякаго нашего чаянія, насъ упрекнутъ въ опрометчивости или заносчивости сужденія, мы возьмемъ на себя неблагодарный трудъ вывести «любопытныя» статистическія данныя изъ афишъ прошлагодняго сезона.

Въ настоящую минуту, мы прежде всего исчислимъ что давалось въ послѣднее время, хоть на примѣръ отъ 25 сентября - на двухъ русскихъ театрахъ, на Маріинскомъ и на Александринскомъ. До балета (покрайней-мѣрѣ покамѣсть) итальянской оперы - какъ дѣла музыкальныхъ спеціалистовъ и любителей, до французской и нѣмецкой сцены, до появленія на нихъ какого-либо новаго и поучительнаго

художника намъ дѣла нѣтъ. На первое время мы ограничиваемся только насущнымъ.

Итакъ вотъ что давалось на русскихъ театрахъ съ 25 сентября.

25 сентября на Александринскомъ: «Отецъ и дочь», драма. «А. и Ф.», водевиль. На Мариинскомъ «Горе отъ ума» и «Беззаботная» (г-жа Спорова).

26 сентября на Александринскомъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», драма. «Баль у банкира», водевиль. (Г. Жулевъ - Нарцисъ Бишоно). На Мариинскомъ «Жизнь за царя».

27 сентября на Александринскомъ «Уголино». «Милыя бранятся, только тѣшатся». Въ Мариинскомъ «Не въ деньгахъ счастье», (г. Васильевъ 2) «Бѣдовая бабушка».

28 сентября на Александринскомъ въ первый разъ «Легкая надбавка», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Погоссаго. «Въ чужомъ пиру похмѣлье», комедія А. Н. Островскаго. «Всѣхъ цвѣточковъ болѣе - розу я любилъ». На Мариинскомъ «Норма»

(г-жа Лаврова-Спекки). Второе дѣйствіе оперы «Невѣста-лунатикъ» (г. Никольскій и г-жа Булахова).

30 сентября въ Александринскомъ «Смерть Ляпунова». «Живчикъ». На Мариинскомъ «Испорченная жизнь», комедія г. Чернышова. «Проказы барышень на черной рѣчкѣ». Сцена г. Горбунова.

1 октября на Александринскомъ «Не по носу табакъ», г. Погоссаго. «Комедія съ дядюшкой». «Волшебная флейта», водевиль. На Мариинскомъ «Марта», опера. «Москаль-чаривникъ» (г. Артемовскій и г-жа Леонова).

2 октября на Александринскомъ «Велизарій», драма. «Взаимное обученіе». На Мариинскомъ «Сватъба Кречинскаго», комедія. «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису» (г-жа Спорова). «Бабушкины грѣшки» (г-жа Спорова).

3 октября на Александринскомъ въ первый разъ «Не первый и не послѣдній», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, г. Дьяченко. «Женщины-гвардейцы» (бенефисъ г.

Марковецкаго). На Мариинскомъ «Жизнь за царя» (208 представленіе).

4 октября. На Александринскомъ театрѣ: «Уголино», «На ловца и звѣрь бѣжитъ». На Мариинскомъ - «Гроза», А. Н. Островскаго, «Женихи», «Дядюшка болтушка».

4 октября. На Александринскомъ: «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», «Баль у банкира». На Мариинскомъ - «Русалка» опера А. С. Даргомыжскаго...

Но вѣдь это перечисленіе, скучно нашимъ читателямъ?.. Оно и самимъ намъ скучно - но вѣдь изъ него открывается фактъ довольно поучительный. Если вѣрить нашему репертуару, то должно быть «Уголино», «Жизнь игрока» пьесы наиболѣе капитальныя. Отъ 25 сентября до 5 октября, включительно - онѣ раздѣлили честь повторенія съ одной только дѣйствительной, всѣми признанной капитальной вещью - съ оперой Глинки.

Пропустимте недѣлю.

14 октября. На Александринскомъ театрѣ: «Уголино» (ого! въ третій разъ),

«Женищины-гвардейцы» (тоже должно быть штука капитальная). На Мариинскомъ - «Жидовка» (гг. Сѣтовъ, Васильевъ 1, Булаховъ - г-жи Валентина Біанки; Анненская).

15 октября. На Александринскомъ: «Жертва за жертву», драма г. Дьяченко. На Мариинскомъ «Испорченная жизнь» «Комедія съ дядюшкой», сцена г. Горбунова.

16 октября. На Александринскомъ: въ первый разъ по возобновленіи - «Ермакъ Тимофеичъ», Полевого, «Беззаботная». На Мариинскомъ - (въ пятый разъ), «Непервый и непослѣдній», г. Дьяченко, «Что имѣемъ нехранимъ».

17 октября. На Александринскомъ: «Легкая надбавка», г. Погоссаго. «Игроки», Гоголя. «Первое декабря».

18 октября. На Мариинскомъ: «Непервый и непослѣдній», г. Дьяченко (въ шестой разъ). На Александринскомъ - «Двумужница».

19 октября. На Александринскомъ: «Велизарій», «Живчикъ». На Мариинскомъ

«Жизнь за Царя».

Въ пространство времени, пропущенное нами, промелькнула еще комедія Островскаго: «Праздничный сонъ...» Мы замѣчаемъ это, желая быть справедливыми...

Но спрашиваемъ читателей - чтъ должно заключить изъ образчика нашего репертуара за мѣсяць. Что кромѣ «Жизни за Царя», у насъ есть одна капитальная вещь, что - «Уголино», Полевого и что первый драматическій писатель нашъ - г. Дьяченко, второй - г. Чернышовъ, третій - г. Погосскій? Не такъ ли? Недурно также писалъ Гоголь, такъ что иногда еще можно его давать; не безъ достоинства тоже и комедіи Островскаго.

Но мы не можемъ продолжать далѣе въ шуточномъ тонѣ. Театръ для насъ - дѣло серьезное, дѣло народное.

И вотъ именно, прежде всего мы беремъ вопросъ съ этой точки зрѣнія. На Александринскомъ театрѣ - понизили цѣну мѣстамъ, стало-быть, явнымъ образомъ хотѣли сдѣлать его доступнымъ небогатымъ

массѣ. Чѣмъ же угощаютъ эту небогатую массу? Свирѣпствомъ г. Степанова въ «Уголино» и «Жизни игрока»... такими драмами какъ «Айвенго» и «Велизарій», возобновленіемъ постыднаго вздора, въ родѣ «Ермака» покойнаго Полевого... Почему же спрашивается, эту небогатую массу лишаютъ удовольствія видѣть и слышать такія капитальныя вещи русскаго искусства какъ «Жизнь за Царя» и «Гроза» - за что ее осуждаютъ на вольное-невольное выслушиванье дичи, которую несутъ Нино Галлури или Ермакъ Тимофеевичъ?

Наконецъ мы поймемъ даже и вздоръ, если онъ логиченъ. Но какимъ логическимъ мѣриломъ руководствуются въ распредѣленіи спектаклей на двухъ русскихъ театрахъ?.. Будь Маріинскій театръ, исключительно оперный - мы это поймемъ, хотя опять-таки пожалѣемъ, что небогатая масса лишается - Богъ знаетъ за что и прочто - высокихъ наслажденій, доступныхъ ей нисколько не менѣе зажиточнаго мѣщанства. Будь Маріинскій

театръ - опредѣленъ для спектаклей съ великолѣпной обстановкой - тоже было бы понятно, но вѣдь «Айвенго» же напимѣрь и даже «Ермакъ Тимофеевичъ» требуютъ немалой обстановки, а давались на Александринскомъ театрѣ, а съ другой стороны - ни «Испорченная жизнь», ни «Горе отъ ума», ни даже «Гроза», особеннаго великолѣпія не требуютъ, а давались на Маріинскомъ и на Александринскомъ. Будь даже Александринскій театръ - мѣстомъ predetermined для свалки сора вродѣ «Уголино» и произведеній г. Дьяченки, тоже было бы дѣло логически объяснимое. Но вѣдь на немъ играютъ: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», Островскаго - «Игроковъ», Гоголя. Будь наконецъ этотъ театръ ареною для рева г. Степанова и вообще для актеровъ - послабже, мы бы и это поняли, хотя конечно не могли бы одобрить такого аристократическаго раздѣленія. Съ другой стороны, будь Маріинскій театръ предназначенъ для людей съ эстетически-развитымъ вкусомъ, на

немъ не соединялась бы съ «Грозою» Островскаго, такая пошлость, какъ «Дядюшка болтушка», не давались бы въ немъ пьесы въ родѣ водевиля «Проказы барышень на черной рѣчкѣ»...

Но оставимъ безсмысленный фактъ быть безсмысленнымъ фактомъ, и обратимся къ нашему вопросу, т. е. къ вопросу о капиталахъ нашей драматургіи. Неужели же въ самомъ дѣлѣ «Уголино», «Ермакъ Тимофеевичъ» и хламъ г. Дьяченко - считаютъ распорядители репертуара за капитальныя произведенія?.. Неужели же они не знаютъ, что о произведеніяхъ хоть бы напимѣрь г. Дьяченко, хоть бы напимѣрь о новомъ его произведеніи, серьезная критика постыдится говорить; что по поводу штукъ г. Погосскаго, она пожалѣетъ только, что не бездарный, судя по его прежнимъ военнымъ рассказамъ, авторъ садится не въ свои сани. Вѣдь среди этихъ штукъ комедіи г. Чернышова и драмы г. Потѣхина старшаго - перлы, а между тѣмъ и объ этихъ перлахъ смѣшно говорить серьезно въ литературѣ, которая имѣетъ

Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго. Комедіи г. Чернышова напримѣръ очень нравятся на сценѣ, и мы нисколько не думаемъ посягать на ихъ сценическое достоинство, тѣмъ болѣе, что онѣ представляютъ для такихъ высокодаровитыхъ артистовъ, какъ г. Васильевъ 2, хорошія роли, но попробуйте прочесть ихъ, и вы увидите, какими бѣлыми нитками онѣ сшиты, какъ все въ нихъ «сдѣлано», натянуто за волосы, какъ изъ-за всякой сцены непріятно-навязчиво скачетъ вамъ въ глаза задняя мысль, такъ называемая «идейка». Возьмите хоть послѣднюю изъ нихъ: «Испорченная жизнь»; вѣдь это драматизированный, разжиженный и отравительно-подслащенный казенной нравственностью «Подводный камень» г. Авдѣева! Или драмы г. Потѣхина напримѣръ? (мы говоримъ о г. Потѣхинѣ старшемъ, ибо о г. Потѣхинѣ младшемъ считаемъ болѣе лишнимъ говорить, чѣмъ о г. Дьяченко или г. Боборыкинѣ). Напишите Островскій «Не въ свои сани не садись» и выставить типъ патріарха, въ лицѣ Русакова; г. Потѣхинъ

даетъ «Судь людской не божій», гдѣ пересаливаетъ этотъ типъ до невозможности, обставивъ его отвратительными бабами-кликушами. Коснется Островскій какъ художникъ типа широкой русской природы въ Петръ Ильичъ, сумѣвши при всей правдѣ удержаться въ границахъ поэзіи; г. Потѣхинъ заставитьъ четыре акта пьянствовать, буянить и воровать какого-то дуromана въ пьесѣ «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Или вдругъ напимѣрь, съ чего-то нѣкоторымъ господамъ приходило въ голову при первыхъ комедіяхъ Островскаго, что онъ ведетъ войну съ образованностью, и вотъ г. Владыкинъ всю вину начинаетъ валить на образованныхъ, не постыдившись даже назвать «образованностью» одну изъ своихъ комедій, въ которой образованность выходитъ виновата въ томъ, что молодой купчикъ обкрадываетъ дражайшаго родителя. O imitatores, servum pecus! Думаль ли когда Островскій, что его Ненилы Сидоровны и другія лица, убѣжденные, что образованіе ведетъ людей

къ безобразіямъ, найдутъ своимъ мыслямъ поборниковъ въ литературѣ? Думаль ли нетолько онъ, но думаль ли даже покойный Добролюбовъ, толкуя о самодурствѣ темнаго царства, что для возбужденія тошноты заѣздитъ г. Чернышовъ самодурство въ своихъ комедіяхъ?

Нѣтъ, господа распорядители репертуара русскаго театра, плохи ваши капиталы, которыми вы думаете замѣнить вещи Гоголя и Островскаго!

IV

Чтобы начать наши замѣтки о «русскомъ театрѣ» чѣмъ-нибудь хорошимъ и пріятнымъ, мы прежде всего должны сказать, что до самаго начала сезона мы нерѣдко выносили истинно-отрадное чувство изъ нашей русской оперы. Теперешній составъ ея съ такими *primi* и *secondi tenori*, какъ гг. Сѣтовъ, Никольскій, Булаховъ, Васильевъ 2, съ такими замѣчательными пѣвицами, какъ г-жа

Валентина Біанки и г-жа Леонова, съ такими басами и баритонами, какъ гг. Петровъ, Васильевъ 1, Артемовскій, Гумбинъ, - теперешній составъ ея, соединенный съ великолѣпнѣйшею постановкою, удовлетворить хотъ кого. Кто видѣлъ напримѣръ «Жидовку» Галеви на нашей и на парижской сценѣ, тотъ не можетъ не согласиться, что и поставлена она у насъ гораздо великолѣпнѣе и исполняется несравненно лучше. Но что это за странность такая, что въ «Жидовкѣ» напримѣръ у насъ исторически вѣрна костюмировка, а въ нашей родной оперѣ «Жизнь за царя» не вывелись еще театральные пейзажи вмѣсто крестьянъ, и театральныя пейзажи съ какими-то мантильями, имѣющими претензіей быть шубками. Антонида въ костюмѣ средневѣковой герцогини, и сирота Ваня, одѣтый пляшущимъ театральнымъ пейзажникомъ, въ кафтанчикѣ съ галунчиками. Не говоримъ уже о кринолинахъ, съ которыми не въ силахъ разстаться даже русалки въ оперѣ

Даргомыжскаго; уничтожить кринолины, положимъ дѣло невозможное, но неужели нельзя ввести сермягу, зипунъ, кичку и настоящій заправскій сарафанъ въ заправскую, народную оперу Глинки? Вѣдь такая вещь должна быть исполняема, мы полагаемъ, съ почтеніемъ.

Во все это время, истинно серьезныхъ драматическихъ спектаклей было всего одинъ: это «Горе отъ ума», да и оно было кажется для дебюта новой артистки г-жи Споровой. Какъ объ этомъ единственномъ серьезномъ спектаклѣ, такъ и о новой дебютанткѣ, мы обязаны сказать нѣсколько словъ.

Въ «Горѣ отъ ума» на нашей сценѣ вышло собственно только одно, вполне живое и художественно созданное лице, да и то глухонѣмое, князь Тугоуховскій (г. Васильевъ 2). Это мы говоримъ совсѣмъ не для краснаго словца, а весьма серьезно.

Затѣмъ наибольшая часть принадлежитъ г. Нильскому, въ роли Чацкаго. Большая заслуга его игры въ Чацкомъ уже та, что онъ не похожъ ни на покойнаго Максимова,

ни на г. Самарина 1. Мы думаемъ, что г. Нильскій современемъ сыграетъ настоящаго Чацкаго, какого до сихъ поръ мы не видывали. Ему только слѣдуетъ прежде всего выкинуть изъ головы мысль, что Чацкій, jeune premier, отдаться болѣе своему внутреннему жару и сдѣлать Чацкого нѣсколько постарше; мы не станемъ заниматься какъ рецензентъ «Сѣв. Пчелы» счисленіемъ лѣтъ Чацкаго. Можетъ быть Чацкому и двадцать-три года, но на физиономію такихъ людей какъ Чацкій мысль и чувство рѣзко кладутъ свою печать. Вездѣ гдѣ г. Нильскій искренно увлекался, забывая о томъ что он jeune premier, онъ былъ не только хорошъ, но превосходенъ.

Фамусовъ (г. Григорьевъ 1) походилъ гораздо болѣе на департаментскаго сторожа, о которомъ пишетъ Хлестаковъ къ душѣ Тряпичкину, чѣмъ на грибоѣдовскаго Фамусова.

Молчалинъ (г. Шемаевъ) былъ такимъ пошлякомъ, въ котораго не могла бы

влюбиться не только Софья, но даже жена портного Петровича гоголевской шинели.

Софья... Неужели г-жа Снѣткова 3 думаетъ серьезно, что всѣ роли можно играть однимъ тономъ - да и тономъ-то вѣчно плаксивымъ?

Скалозубъ былъ скопированъ съ фельдфебеля, да и то не гвардейскаго, а армейскаго, изъ безсрочно-отпускныхъ.

Хлестова, хоть и играла ее г-жа Линская, артистка весьма даровитая - нисколько не была московской барыней, передъ которой всѣ трепещуть. Тоже къ сожалѣнію должно сказать и о другой, истинно же даровитой артисткѣ, г-жѣ Левкѣевой, въ роли Натальи Дмитревны.

О г. Сосницкомъ въ роли Репетилова, имъ совершенно не понятой, лучше умолчать изъ уваженія къ его лѣтамъ и дѣйствительнымъ заслугамъ.

Г. Каратыгинъ въ Загорѣцкомъ, копируетъ какого-то петербургскаго прощальгу и несоздалъ московскій типъ, который имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ.

Чтоже сказать о дебютанткѣ? По роли Лизы, которую какъ ни стараются защищать, а все-таки она въ комедіи Грибоѣдова нѣчто условное и смахиваетъ на французскую субретку, по этой роли, говоримъ мы, о ней еще нельзя произнести какого-либо окончательнаго сужденія, да къ сожалѣнію и по другимъ ролямъ, выбраннымъ ею для дебютовъ - тоже. Г-жа Спорова, очень ловка на сценѣ, говоритъ со смысломъ, иногда даже съ огнемъ - но какъ видно изъ ея выбора дебютовъ, на счетъ искусства весьма «легковѣрнаго» мнѣнія. Впрочемъ, тутъ мы можетъ-быть и ошибаемся. Если на долю ея выпали все такія ничтожныя и пустыя роли, то это можетъ-быть и потому, что лучшихъ ей и не дали.

Смѣшна въ высшей степени театральная публика, раздѣлившаяся уже на двѣ партіи: снѣтковистовъ и споровистовъ. Изъ этихъ партій «обѣ лучше», и та которая неистово хлопаетъ г-жѣ Снѣтковой за неудачно выполненную роль Софьи и та, которая подноситъ вѣнки и букеты г-жѣ Споровой,

за то что г-жа Спорова очень хороша собою.
